

Часть I

СТАРУХА УМЕРЛА!

День первый

Анна

Аня отворила ободранную, держащуюся на одной ржавой петле дверь. Вошла в знакомый подъезд с вечно текущей батареей, расписанными матом стенами, заплыванным бетонным полом. Поднялась по плохо освещенной лестнице на четвертый этаж. Остановилась у обитой коричневым дерматином двери. Позвонила. И стала ждать, когда за дверью послышатся тихие шаркающие шаги. Хотя бабуля плохо ходила и была глуховатой, она открывала почти тут же, не иначе сидела в прихожей на табуреточке и ждала свою Анюту.

Но на сей раз Аня знакомых шагов не услышала. За дверью вообще стояла гробовая тишина. Странно! Даже если бабуля сидит не в прихожей, а в комнате, она должна хотя бы крикнуть, как всегда: «Иду, иду, девочка!» И радио молчит. Обычно бабуля слушает радио, она, может, и телевизор посмотрела бы, да нет его в бедной старухиной квартире. В ней вообще нет ничего, кроме допотопной мебели и старого дребезжащего холодильника. Ни телевизора, ни телефона, ни даже плиты — Элеонора Георгиевна греет свой скудный обед на примусе. И родственников у старушки нет. Есть только Аня, работница собеса, помогающая за мизерную плату одиноким старикам.

Аня устало привалилась к стене, опустила тяжелую сумку с провизией на пол. Как же она вымоталась! Сначала в собес за авансом, потом на рынок за продуктами (у старух на харчи из супермаркетов пенсии не хватает), следом на почту: одна из подопечных выписывает какую-то коммунистическую газету, а из ящика ее постоянно воруют — кому-то, видно, нечем зад потереть. После обеда по бабкам пошла: у коммунистки была — газету отдала; у кошатницы — кильку кошкам принесла; у скандалистки — достала ей брошюру «Права потребителя», чтобы впредь права качала аргументированно.

К ужину вот до своей любимой бабульки добралась, до Элеоноры Георгиевны.

Да, Элеонору (бабу Лину) Аня любила. Она была единственной из подопечных, кто ее не раздражал. Остальные склочные, капризные, желчные, жадные — каждую копейку считают и норовят тебя в краже этой копейки обвинить. А баба Лина добрая, ласковая, приветливая и гостеприимная. Почему, интересно, такая милая женщина осталась одинокой? Ни мужа, ни детей, ни внуков. Даже помочь некому...

Аня позвонила еще раз, уже настойчивее. Уж не случилось ли что с бабулей? Все же старый человек, к тому же больные ноги, сахарный диабет и шумы в сердце. Вот если плохо старушке стало, что делать? «Скорую» вызвать неоткуда. Соседи, алкаши запойные, давно от своих телефонных точек отказались, а единственная приличная бабка, проживающая в подъезде, чужим дверь не открывает, даром что Аню сто раз видела и знает, к кому она ходит.

«Жаль, что нет сотового телефона, — подумала Аня. — Как бы сейчас пригодился!» Старый аппарат, который она за копейки купила в магазине подержанных товаров, находился в ремонте, а новый она себе

позволить не могла... Собственно, чего лукавить? Она себе не могла позволить даже нового пальто, сапог или шапки. То, что на ней сейчас (драповая хламида с мутоновым воротником, дерматиновые боты, мохеровый берет), куплено в комиссионке и социальном магазине еще в прошлом году. Нищенка из коммуналки — вот кто такая Анна Железнова. Рвань и дрянь. По-другому ее и не называли. Ни мать-покойница, ни одноклассники, ни соседи, ни случайные знакомые, ни она сама... Только бабуля величала ее «девочка», «милая», «красавица»... А ведь Анна на самом деле почти девочка — только двадцать три стукнуло, почти милая — никому за свою жизнь ничего плохого не сделала, почти красавица — если причесать ее, приодеть да еще дать отоспаться... Ух какой бы Анна красавицей стала!

...Сумка с продуктами, до сего момента спокойно стоявшая на полу, накренилась — это большая банка сгущенки (любимое бабулино лакомство) упала набок и, повалившись, потянула за собой всю котомку. Аня наклонилась, чтобы ее перехватить, да так и застыла в полупоклоне...

Дверь оказалась незапертой!

В голове тут же пронеслось — такого не может быть! Баба Лина *всегда* запирает дверь. Всегда! Причем на три запора: на ключ, цепочку и щеколду. Аня даже считала это манией. Ну зачем, спрашивается, так баррикадироваться, если самое ценное, что есть в квартире, это холодильник «Днепр» 1970 года выпуска?

Но сегодня дверь была не заперта. Более того, она оказалась чуть приоткрыта. Совсем немного, Аня этого сначала и не заметила, но теперь, прислонившись лицом к дерматиновой обивке, увидела щель. Из нее пробивалась узкая полоска света и слабый запах квартиры. Аня очень хорошо его помнила, потому что он,

этот запах, был неповторим. Дома других старух пахли либо пылью, либо сыростью, либо хлоркой, либо кошачьей мочой. И только Лина квартира была пропитана неожиданно-прекрасными запахами: дорогой кожи, элитных сигар, терпкого вина и еще чего-то неуловимого... И как ни пыталась Анна уговорить себя, что ей это только чудится, ничего не получалось — она была уверена, что именно так пахнет во дворцах.

Бабулина халупа источала аромат роскоши!

Аня присела на корточки, сунула указательный палец в щель и немного приоткрыла дверь. Света стало больше. Зато запах исчез, будто выветрился.

Через образовавшуюся щель Аня смогла разглядеть узкую, усталую домотканой дорожкой прихожую: одностворчатый шкафчик в углу, тут же ящик для обуви, рядом тот самый табурет, на котором баба Лина любила сидеть, поджидая свою Анечку, на стене мутное зеркало, и дверь в самом конце коридора, которая вела в шестиметровую кухню... Вот у этой самой двери Аня и увидела Элеонору Георгиевну...

Она лежала на полу спиной к прихожей. Ее худенькие плечи, обтянутые вязаной шалью, были приподняты, словно она пожимает ими. Голова низко опущена на грудь, виден только седенький пучок на затылке. Ноги в коротких валеночках (у нее всегда мерзли ноги!) поджаты под себя.

— Бабуля, — шепотом позвала Аня и бухнулась на колени. — Баба Лина...

Элеонора Георгиевна не пошевелилась.

Аня, не вставая с коленей, на четвереньках поползла к лежащей на дощатом полу старушке. Расстояние до нее было метра три, но у Анны все никак не получалось его преодолеть. Ей казалось, что ползет она очень быстро, так быстро, что штаны на коленях изо-

рвались вдрызг, но добраться до разнесчастной кухонной двери у нее не получалось...

Наконец Аня приблизилась к сухонькому телу так близко, что смогла дотянуться до острого старушечьего плеча. Аня обхватила его ледяными пальцами, потрясла, потянула на себя...

— Бабулечка, вставай, простудишься, — зашептала Аня, приблизив губы к прикрытому седыми прядями уху. — Вставай же...

И резко дернула Элеонору Георгиевну на себя.

Тело старушки перевернулось и с глухим стуком шмякнулось на спину.

Аня отпрянула. Она увидела пустые глаза, скрюченные пальца, перекошенный рот. Глаза, пальцы и рот мертвого человека.

Бабуля умерла!

Не может быть! Почему? Как же теперь она, Аня, будет жить без Элеоноры Георгиевны? Кто, кроме бабы Лины, назовет ее «девочкой»? Кто угостит вареной сгущенкой? Кто расспросит, пожалеет, посоветует?

Аня заскулила, неумело глядя старушку по мягким, как пух, волосам, по сухоньким плечикам, по морщинистым рукам. Она склонилась над ее бледным лбом, чтобы поцеловать на прощание, как вдруг замерла... Она увидела нож, торчащий в плоской, почти девичьей груди Элеоноры. Нож? Аня не верила своим глазам. Что может делать он в груди безобидной старухи? И ладно бы ширпотребовский кухонный нож или самопальный тесак, но тот, что торчал в Элеонориной груди, был совсем другой породы. Аристократ! Красавец! Произведение искусства! Элегантная рукоятка из желтого металла, выполненная в форме обвитого змеей дерева. Крона (навершие ножа) облита зеленой эмалью, тело змеи так искусно обработано алмазом, что каждая чешуйка сверкает, а ее преувеличенно

большие глаза переливаются драгоценным блеском — каждый из них был не чем иным, как камнем, похоже, изумрудом. Единственное, что портило красоту кинжала, — это кровь, капли которой попали на сверкающее тело змеи...

Значит, баба Лина не умерла — ее убили! Аня от ужаса всхлипнула и резко отползла от тела. Убили! Безобидную старую женщину зарезали антикварным кинжалом! Такого не бывает!

Аня все пятилась, быстро перебирая ногами, и никак не могла оторвать взгляда от загадочно сверкающего змеиного глаза на рукоятке кинжала. Наконец она ткнулась спиной во входную дверь. Добралась! Теперь бежать отсюда. Скорее! Аня начала медленно подниматься с коленей, она почти их разогнула, даже успела вцепиться в ручку двери, не успела только покинуть квартиру, так как в тот миг, когда она собралась это сделать, *тишину разорвал пронзительный телефонный звонок.*

Сердце Ани содрогнулось и ухнуло в пропасть. Не может быть! Этого не может быть! В квартире нет телефона! Но откуда тогда такой трезвон? Слишком громкий, чтобы раздаваться из другой квартиры. И слишком настойчивый, чтобы его проигнорировать... Как загипнотизированная, Аня пошла на звук, осторожно продвигаясь в сторону комнаты.

Телефон стоял на тумбочке в самом углу спальни. Такой же старый, как все здесь: мебель, ковры, книги. Дряхлый телефон на дряхлой тумбочке. Только раньше его не было. Или был, но хозяйка его прятала. Вопрос — зачем?

Дрожащей рукой Аня подняла трубку.

— Алло, — хрипло произнесла она. — Алло.

— Элеонора Георгиевна? — прошелестел кто-то на другом конце провода. Неясно, мужчина или женщина.

— Нет.

— А можно ее? — вкрадчиво попросил голос.

— Нет.

— Почему?

— Она умерла, — выдохнула Аня в трубку, после чего рухнула на пол, потеряв сознание.

Ева

Ева припарковала свой огромный черный джип у самого подъезда. Она всегда так делала, ей было плевать на то, что ее внедорожник перекрывает проезд другим машинам, пусть где хотят, там и проезжают, а она не намерена пачкать свои роскошные сапожки в грязи.

Она выбралась из автомобиля, включила сигнализацию и, прежде чем войти в подъезд, привычным жестом погладила хромированный бок своего джипа. Ева его обожала. Пусть ей все твердили, что эта машина не для нее, что такой элегантной утонченной даме больше подойдет «Инфинити», «Порше», «Ягуар», «Лексус», но она была на сто процентов уверена, что мощный черный «Ренд Ровер» именно ее автомобиль. А все эти «Порши» и «Ягуары» созданы для глупых блондинистых сучек, скороспелых жен нуворишей, которые ни черта не понимают в жизни. Ева и сама была блондинистой сучкой (пардон, сукой, отпетой сукой), но далеко не глупой. С такими мозгами, как у нее, можно поступить в престижный институт, защитить диссертацию, сделать карьеру, но Ева не собиралась тратить свою молодость на такие глупости... Она и без аспирантур знала, как добиться успеха в жизни. Главное, не расслабляться: не показывать своих страхов, опасений, слабостей, еще надо уметь врать, изво-

рачиваться, бить по больному, не брезговать подлостью и быть всегда красивой. Все! Больше умной женщине никакие навыки не нужны, кроме разве что досконального владения техникой секса...

Вот чем-чем, а этой техникой она владела в совершенстве. Ева знала, как раззадорить, соблазнить, уложить мужчину. Еще знала, как вытрясти из раззадоренного, соблазненного, улаженного большие деньги. Все, чем она владела, за исключением квартиры, доставшейся ей от бабки, — брюлики, гардероб, машина, техника, новый бюст, — Еве подарили ее козлики (так она называла своих любовников). Мужчины Еву боготворили. За магнетизм, сексуальность, раскрепощенность, за стиль, красоту, стервозность наконец. Но особенно, конечно, за красоту. Ева была не просто хороша собой, она была прекрасна... как скандинавская богиня. Высокая, длинноногая, с копной платиновых волос и васильковыми глазами, она неизменно вызывала восхищение. У нее было много романов, каждый из них принес ей немалую выгоду, но ни один не закончился свадьбой. И не потому, что ей не предлагали выйти замуж, отнюдь... Просто Ева терпеть не могла условности, ненавидела ограничения и, что греха таить, презирала мужчин. К женщинам она, впрочем, тоже особой симпатии не питала, но дело не в этом...

«Зачем нужен брак? — недоумевала она. — На кой черт? Чтобы какой-то козел посадил тебя в клетку, пусть и золотую, и требовал послушания, верности, уюта в доме и отчета обо всех тратах». Нет, Еву такая жизнь не привлекала...

Ей тридцать один. Хороший возраст, самый лучший: еще ничего не висит, не морщится, не седеет, не выпадает, но уже пожила, уже личность. И капиталец нажит не слабый. Еще пару годков, и можно будет по-

слать всех этих разновозрастных богатых козлов к чертовой матери, открыть свое дело и зажечь припеваючи, снимая себе на субботние вечера юных кобельков...

Ева вошла в подъезд, поигрывая ключами, прошествовала к лифту. Мимо нее, привычно бурча ругательства, просеменила соседка — генеральша Астахова, старая гримза, единственная оставшаяся из прежних жильцов. Остальных расселили ушлые бизнесмены, возжелавшие жить в центре, выкупив у отставных вояк их обветшалые хоромы. Из старой гвардии только Астахова тут живет да сама Ева, генеральская внучка.

— Проститутка чертова... Опять свою тачку посередь дороги поставила, — прокаркала Астахова, выглядывая на улицу. — Сколько ж можно повторять...

— Иди в жопу, старая карга, — лениво сказала Ева, заходя в лифт.

Еву забавляла старухина ненависть и ее вечное ругательство «проститутка чертова», будто сейчас кто-то такими словами обидишь. Тем более что проституткой Ева не была никогда. Профессиональная любовница, вот как она себя называла. Любовница! А не какая-то там шалава, пусть и высокооплачиваемая...

Лифт поднял Еву на второй этаж. Она вышла на вылизанную приходящей уборщицей лестничную клетку, подошла к двери своей квартиры, отперла ее и вошла, с удовольствием вдыхая привычный запах отчего дома. Как же давно она здесь не была! Целых три дня... Да, Ева тосковала по своей милой квартирке, как другие тоскуют по родителям, детям, мужьям, и совсем не могла спать вне своей спальни, поэтому она редко оставалась у любовников больше чем на сутки. В этот раз пришлось сделать исключение. Уж больно козлик был щедр... И шубку из шиншиллы подарил, и

сумочку «Луи Вьюитон», и сережки с изумрудами, их, правда, придется вернуть в магазин — изумруды Ева терпеть не могла, но это, в конце концов, мелочи...

Она вошла в кухню, бросила на пол новое манто, включила любимый диск «Бах и звуки океана», налила в рюмку пятьдесят граммов перцовки, залпом выпила, занюхала комнатной орхидеей. Если бы кто-то из знакомых увидел, как светская львица Ева Новицкая хлещет плебейскую настойку, да еще и не закусывая, не поверил бы своим глазам, потому что госпожа Новицкая всегда пьет только коллекционное шампанское. На самом деле Ева его терпеть не могла, но, не смотря на отвращение, пила, и не только для имиджа, а еще и потому, что крепкие напитки кружили голову, «шипучка» же позволяла оставаться трезвой.

Налив в стопку еще немного настойки и прихватив со стола задубевший кусок медового кекса, Ева отправилась в гостиную. Там, удобно устроившись на мягком диване, она одним глотком выпила перцовку, закусилась сдобным сухарем, после чего с удовольствием осмотрелась. Хороша у нее квартирка, ничего не скажешь! Шикарная «трешка» в старинном доме, с эркером, высоченными потолками, настоящим дубовым паркетом и даже колоннадой. Конечно, в эту двадцатилетнюю старушку пришлось вложить кучу денег (одна замена труб и батарей во сколько встала, не говоря уже о реставрации паркета и новых окнах!), но результат того стоил... Честное слово, стоил! Квартира теперь была чудо как хороша... И, самое главное, не похожа на все эти однотипные современные хаты в стиле хай-тек, напичканные пластиком, винилом, стеклом и уродскими светильниками. Евина квартира была другой: на стенах ткань, на полу дуб, на потолке лепнина с позолотой, вся мебель из нату-

рального красного дерева, а аксессуары из бронзы или антикварного фарфора...

Даже страшно подумать, что когда-то она хотела весь этот хлам (тогда она еще не видела разницы между старьем и стариной) выкинуть на помойку... Было это семь лет назад, когда Ева только-только стала полновластной хозяйкой этой шикарной, но жутко запущенной квартиры и не знала, с чего начать, дабы привести ее в божеский вид. «Все выкину, — думала она, сдувая пыль с пузатого херувима, что стоял на жутком комодe в углу гостиной, — все подчистую, а вместо этого безобразия поставлю шкаф «Стенли» и кровать с водяным матрасом». Помнится, она даже вытащила из квартиры журнальный столик с гнутыми ножками и собралась нести его на помойку, но, на счастье, по дороге ее перехватил какой-то чудной очкастый старик и предложил за него немислимую сумму в долларах. Ева, естественно, не продала, она всегда была девушкой практичной, вместо этого она отправилась к знакомому антиквару, который оценил кривоногий столик в два раза дороже.

С того памятного дня прошло больше семи лет, но до сих пор Ева помнит, с каким восторгом она вернулась в свою захлавленную квартиру, с какой нежностью пробежала пальцами по лакированной поверхности комода (середина XVIII века, как оказалось), с каким трепетом стерла пыль с херувима, с какой неожиданной радостью осознала, что все эти вещи, принадлежащие некогда русским аристократам, телерь ее, и с какой непоколебимой уверенностью решила — она с ними никогда не расстанется!

Слово свое она сдержала: ни одна мелочь, даже самая бросовая (паршивенькое начало XX века), не покинула ее квартиры. Даже глупая конфетница из горного хрусталя, которой она не очень дорожила, осталась стоять там же, где стояла всегда — на буфете.

В принципе, и сам буфет ей не сильно нравился, уж очень был громоздок, но и его она не собиралась продавать. Не говоря уже о кривоногом столике, ее любимце, на котором так хорошо смотрелся белый ретротелефон...

Вдруг он зазвонил. Да так неожиданно громко, что Ева поперхнулась кексом, который машинально жевала.

— Вот хрень, — выругалась она сквозь зубы и, стряхнув с губ пахнущие медом крошки, взяла трубку. — Алло!

Ей никто не ответил. Из трубки доносилось лишь легкое потрескивание и далекая музыка.

— Что за ё-кэ-лэ-мэ-нэ? — рывкнула Ева в мембрану. — Але!

Опять молчание. И когда Ева уже собралась бросить трубку, на том конце провода неожиданно отчетливо прозвучало:

— Старуха умерла!

Эдуард

Эдуард Петрович Новицкий, побряхтывая, влез в салон своей машины. Пыхтя и вытирая пот крахмальным платком, уселся. Поерзав на сиденье, принял удобное для его грузного тела положение, откинулся на спинку, закрыл глаза. «Надо худеть, — в очередной раз подумал он, — иначе до шестидесяти не дотянуть». На красоту фигуры плевать, не до красоты нынче, в его возрасте главное — здоровье, которое, как известно, не купишь... К сожалению... Иначе у Эдуарда Петровича было бы самое лучшее, самое молодецкое здоровье, потому что он дьявольски богат.

— Куда едем, Эдуард Петрович? — мягко спросил водитель, повернувшись к боссу всем корпусом, он

знал, что хозяин любит, когда ему смотрят прямо в глаза.

— Давай в контору, — буркнул Эдуард, расслабляя ремень на брюках. Ему тяжело было сидеть с утянутым брюхом, вот и расстегнул, чтоб дышалось вольготнее. — Потом вернешься за Каринкой, сводишь ее к массажисту.

Каринкой он звал свою любовницу Каринэ, королеву красоты Армении, приехавшую в столицу дружественной России для того, чтобы стать звездой. Звездой она, понятное дело, не стала, в Москве таких королев пруд пруди, зато отхватила себе богатого, доброго, а главное, совсем не требовательного любовника. Единственное, на чем настаивал Эдуард, так это на порядочности: то есть не красть, не врать, не изменять. Еще не пытаться «залететь» и не требовать регистрации отношений. Хочешь детишек и штампик в паспорте — ищи другого, а он в этом не помощник: слишком стар и слишком мудр, чтобы поверить в то, что голозадая молодуха полюбила его за красивые глаза, а не за счет в цюрихском банке... К тому же Эдуард уже был когда-то женат (супружница его, к сожалению, умерла молодой), и дети у него имелись (эти, неизвестно, к счастью или к сожалению, живы, здоровы), но ни жена, ни дети не сделали его настоящим семьянином. Он всегда был одиночкой. Волком-одиночкой! Вульфом — именно такое «погоняло» дали ему на зоне и именно так (за глаза, конечно) его называли до сих пор.

Сидел Эдуард Петрович три раза. Первая ходка была по малолетке, вторая уже в зрелом возрасте, третья сразу за второй. Освободившись в последний раз, Вульф поклялся себе больше не попадаться. Клятву сдержал, хоть для этого и пришлось пойти на пару заказных убийств.

Когда он сидел во второй раз, умерла жена, и дети,

пацан и девчушка, остались на попечении его матери, женщины бескомпромиссной, волевой, властной, именно она запретила ребятам видаться с отцом, потому что такой папаша, по ее же словам, детям не нужен. И дети согласились, они соглашались со всем, что вдалбливала им бабка... Эдуард вспомнил, как попытался однажды поговорить со своей дочерью. Было это давно, девчушке только-только исполнилось двенадцать, а он всего месяц как «откинулся» второй раз. Эдуард подошел к девочке, когда она возвращалась из школы (было двадцать пятое мая, последний звонок, и малышку, помнится, нарядили в банты и парадную форму), сказал, что он соскучился, хочет чаще ее видеть, что, несмотря ни на что, любит их с братом и мечтает с ними воссоединиться... И что же ответила на это его малолетняя дочура, его любимая, дорогая девочка? А девочка ответила так: «Ты вор и убийца. Я тебя ненавижу!» И потом еще добавила, что если он попробует подойти к ней еще раз, она вызовет милицию и скажет, что отец пытался ее украть...

Эдуард Петрович больше с дочкой не виделся. И с сыном тоже: его мамаша, узнав о той встрече, срочно приняла меры — отправила детей на все лето в лагерь отдыха.

А по осени Вульф опять загремел в тюрьгу.

Чудны дела твои, господи! Всего двадцать лет назад он был вором и убийцей, а теперь солидный бизнесмен, глава концерна «Голд-трейд», миллионер, меценат и, что самое чудное, кандидат экономических наук...

Эдик покрутил перстень на толстом безымянном пальце (золото, бриллианты, большой изумруд в центре), он любил его крутить, чтобы полюбоваться игрой камней, но делал это только наедине с собой, поскольку стоило повернуть печатку, как под ней тут же обнаруживалась татуировка. Сделал ее дурачина по

молодости, а теперь прикрывай... Конечно, можно ее вывести, как он уже вывел три наколки: на груди, плече, запястье, но на пальце, говорят, особенно больно, а боли Эдик боялся...

— Эдуард Петрович, — подал голос шофер Шурик, — вы не забыли про сегодняшнюю поездку к врачу?

— Помню, — скупой улыбнулся Вульф. — Только не уверен, что поеду...

— Карина побьет дома все вазы, если узнает...

Эдуард расхохотался — Шурик прав, Каринка переколотит в особняке всю керамику, узнав, что ее любовник отказывается делать себе липосакцию, на которую она его месяц уговаривала. А началось все, когда она узнала, что Эдик решил похудеть при помощи диеты. Кто в наше время голодает, кричала она, выкидывая в окно его завтрак (черствый роголик, яблоко и тарелку шпината)! Только фанатики, дураки и бедняки! Богатые же люди, желающие похудеть, идут к пластическому хирургу, который под наркозом удаляет лишние жиры за пару часов! Три штуки баксов — и ты строен, как кипарис! Заодно и мне нос укоротим...

Поначалу Эдик с любовницей согласился. Хорошая же идея! Вшивые три штуки и пара часов безмятежного сна, зато какой результат! Но потом, когда увидел по телевизору, как проходит эта операция (оператор, снимавший ее, хлопнулся в обморок, не дождавшись окончания), категорически отказался идти на такие муки. На них способны только женщины и артисты! Нормальный мужик такого издевательства над собой не выдержит... Но Каринка не отступала, с истинно восточным упорством она изо дня в день превозносила возможности современной пластической хирургии, перемежая восторженные речи упреками в

трусости и заверениями в том, что худым она будет его любить еще сильнее.

В итоге Эдик сдался: пообещал сходить на консультацию к специалисту. Завтра же. И вот уже завтра наступило, а идти что-то не хочется...

Черт побери! Неужели в начале XXI века ученые так и не придумали ничего лучше, чем изуверская операция? Неужто для того, чтобы сбросить каких-то сорок килограммов, надо либо жрать траву и с утра до ночи колбаситься в тренажерке, либо ложиться под нож хирурга-пластика? Похоже, что так, ведь ни кодирование, ни биодобавки, ни массаж Эдуарду Петровичу не помогали...

От грустных мыслей о лишнем весе его отвлек телефонный звонок. Эдуард Петрович, сопя, словно гайморитчик, полез в нагрудный карман за мобильным, достал его и, не глядя на определитель, поднес его к уху.

— Да, — рыкнул он в трубку.

— Эдуард Петрович? — вкрадчиво спросил некто на другом конце провода.

— Я самый. Что вам?

— Мне ничего... — сдавленный смешок. — Просто я хочу сообщить вам нечто важное...

— Короче, — гаркнул Эдик, теряя терпение.

Повисла недолгая пауза, потом тот же вкрадчивый голос торжественно произнес:

— Старуха умерла!

Елена

Елена Бергман бросила на стол кейс, стремительным шагом прошла к окну и рывком открыла форточку (несмотря на то, что в офисе был установлен су-

персовременный кондиционер, она любила проветривать помещение по старинке). Когда морозный воздух проник в комнату, она подошла к любимому кожаному креслу с широкими подлокотниками и с наслаждением в него опустилась. Сейчас посижу минут пять, сказала себе Елена, а потом опять за работу. Конечно, не мешало бы перекусить, но на обед времени нет — в четыре у нее пресс-конференция, а к ней еще надо подготовиться...

Дверь кабинета резко распахнулась, и на пороге возникла Ленина секретарша Любочка.

— К вам пришли, — доложила она, прикрыв за собой дверь.

— Кто?

— Тот скользкий тип из аппарата президента, которого вы вчера выгнали...

— Гони и сегодня, — решительно сказала Елена.

— А это ничего? Все же из аппарата...

— Так не сам же президент, — пожал плечами Елена, — так что гони смело. Скажи, я занята и освобожусь только на той неделе...

Любочка деловито кивнула аккуратно подстриженной головкой и вышла. А Елена тут же переместилась из кресла на стул — похоже, отдых закончился на четыре минуты раньше. Она включила компьютер, открыла файл с заготовленной речью (самолично написанной, никаких спичрайтеров она не признавала), пробежала текст глазами и осталась им довольна... Лучше бы получилось только у Жириновского, но с ним никто не сравнится.

Елена достала из стола папку с бумагами, разложила их, намереваясь просмотреть, но взгляд ее неожиданно наткнулся на плакат, висящий на стене. На нем была изображена она, депутат Государственной думы Елена Бергман, красивая пятидесятитрехлетняя жен-

щина с серьезным лицом и отличной фигурой. Этот плакат повесила на стену Любочка, ей очень нравилось, как начальница на нем смотрится, самой же Елене фотография казалась неудачной, так как была явно ретушированной. Где мои мешки под глазами, спрашивала она у себя, только у глянцево-бумажной, где морщины, родинки? Конечно, без них она выглядит на десять лет моложе, но это уже не она... Елена никогда не скрывала своего возраста, не пыталась казаться моложе, чем есть, она не делала подтяжек (хотя в мире политики и мужчины не брезговали пластикой) и даже волос не красила, оставляя стильный ежик седовато-пепельным... И при этом умудрялась отлично выглядеть в свои пятьдесят... За это ее обожали женщины предпенсионного возраста, именно они вознесли Елену на политический олимп.

Дверь в кабинет опять распахнулась, но на этот раз на пороге возникла не Любочка, а стройный высокий мужчина очень импозантного вида: в отличном итальянском костюме, шелковой рубашке, с гладко зачесанными каштановыми волосами и тонкими усиками над чувственным ртом.

— Душечка, — промурлыкал он, приближаясь к Елене с распростертыми объятиями. — Здравствуй, моя дорогая...

— Привет, — весело поздоровалась с пришедшим «душечка» и дала себя облобызать. — Как спал?

— Отлично. Просто отлично, — заверил он, после чего уселся в кожаное кресло и добавил: — Рюмка бренди на ночь — лучшее средство от бессонницы. Рекомендую.

— Я, Алекс, бессонницей не страдаю, ты же знаешь...

— Ты просто не спишь, — закончил за нее Алекс.

— Потому что мне жалко тратить время на сон.

— Леночка, в нашем возрасте спать надо как можно больше, это я тебе как врач говорю...

— Ты мне это и двадцать лет назад говорил, а тогда нам было только по тридцать с небольшим...

— Неужели нам сейчас по пятьдесят с хвостиком?! — притворно удивился Алекс. — Не может быть! Я себя чувствую максимум на двадцать пять!

Елена невольно рассмеялась — только Алекс мог пустой болтовней поднять ей настроение. Наверное, именно поэтому она и вышла за него замуж.

— Вечером мы идем на прием, — строго проговорил Алекс, мигом став серьезным. — Надеюсь, ты не забыла?

— Забыла, — созналась Елена. — А можно не пойти?

— Нельзя, — отрезал он, иногда Алекс мог быть непоколебимым. — Прием дают в твою честь, не прийти — значит смертельно обидеть хозяина. А тебе лучше, чем мне, известно, что он финансирует вашу партию...

— Ладно, я приеду, только с опозданием.

— Естественно. — Алекс широко улыбнулся, сверкнув отличным фарфором. — Королевы должны опаздывать.

— А про то, что точность вежливость королей, ты забыл?

— Пережитки прошлого, — махнул своей аристократичной ладонью Алекс. — А мы-то с тобой люди современные...

Елена кивнула, да, они люди современные, иначе она не смогла бы позволить мужу сидеть дома и не работать, а она позволяла, так как те деньги, которые он зарабатывал в своей больнице, были настолько ничтожны, что их хватало только на хлеб и туалетную бумагу. Поэтому на семейном собрании было принято решение — на жизнь будет зарабатывать Лена, у

нее это отлично получается, а хозяйством займется Алекс. К счастью Бергмана, его положение домохозяина совсем не унижало, он с большой охотой занимался бытом: нанимал прислугу, давал ей задания на день, решал, какие покупки надо сделать, когда оплатить счета, чем накормить жену и когда сводить их любимую собаку Дульцинею (Дулю) к ветеринару.

— Чем сейчас займешься, дорогой? — ласково спросила Лена, любясь дымчатыми глазами мужа.

— Поеду к маникюрше — не могу же я явиться на прием с запущенными ногтями... — Он придирчиво осмотрел свои безупречные руки и, судя по всему, остался ими недоволен. — Просто не могу!

— А потом?

— Заскочу в магазин «Флора», приценюсь к пальмам, мне кажется, у нас в холле не хватает яркого зеленого пятна... Как ты считаешь?

— Целиком доверяю твоему мнению.

Алекс лучезарно улыбнулся, встал с кресла, подошел к супруге и смачно поцеловал ее в ненакрашенные губы.

— Ты у меня умница.

— Поэтому ты на мне и женился...

— Нет, женился я на тебе, так как знал, что в один прекрасный день ты станешь известным политиком, будешь зарабатывать большие деньги и избавишь любимого мужа от постылой обязанности ходить на службу...

Лена от души рассмеялась, оценив шутку. А это была шутка, поскольку, когда они поженились (а произошло это двадцать лет назад), ничто не предвещало ее успеха. Елена тогда была обычной учительницей истории, проживающей в общежитии, к тому же не очень здоровой после неудачной операции и весьма нелюдимой из-за болезненного разрыва с любимым...

Они познакомились в поликлинике, куда Лена пришла на прием к гинекологу и где Саша (тогда он называл себя именно так) работал рентгенологом. Она подошла к молодому врачу, чтобы спросить, где шестьдесят шестой кабинет, и он не только подсказал, но и проводил ее, пока ждали очереди, они разговорились. Потом Алекс напросился к ней в гости, на следующий день уже без просьб пришел к ее дому с цветами, еще через день остался ночевать, а спустя месяц они подали заявление в загс.

Так Елена Паньшина стала женой Александра Бергмана и, несмотря на пророчества коллег и приятелей, ни разу об этом не пожалела. Да, ей все твердили, что он слишком красив, слишком расфуфырен, слишком беспечен, чтобы стать хорошим мужем. Он будет тебе изменять, вопили подружки-училки, с завистью рассматривая ее свадебные фотографии. Он тебя бросит ради молодой, глупой, сексуальной! Одумайся! Он тебе не пара! А Лена в ответ только смеялась — она была уверена в том, что именно Алекс больше, чем кто бы то ни было, подходит ей в качестве супруга. И не потому, что так сильно любила своего новоиспеченного мужа, нет, она относилась к нему с большой симпатией, но и только, просто в лице Алекса она нашла идеального партнера для жизни: веселого, беспечно-го, остроумного, яркого, общительного, цельного, такого, какого она всегда мечтала видеть рядом с собой. А если он бросит ее ради молодой, глупой и сексуальной, что ж, значит, такова судьба. После ужасного разрыва со своей единственной любовью Лена поклялась себе больше из-за мужчин не страдать.

Но, к удивлению завистников и самой Елены, Алекс оказался прекрасным мужем. Он отлично готовил, сам себе стирал носки, любил бегать по магазинам и наводить уют в их шестнадцатиметровой комнатке.

Еще ему нравилось принимать гостей, поэтому в их хибаре постоянно толклись люди, он обожал вечеринки, танцы, пикники, гулянки, и Елену это нисколько не раздражало. Конечно, денег молодым катастрофически не хватало: еженедельные банкеты, устраиваемые Алексом для друзей, сжирали весь семейный бюджет, но Лена не считала это поводом для скандала. В конце концов, она видела, за кого выходила замуж...

Вот что ее действительно удивило, так это то, что Алекс ей не изменял. То есть не просто ни разу не был уличен в адюльтере, но даже не дал повода для ревности. Это было непостижимо, так как Алекс был чрезвычайно хорош собой, обходителен, мил, остроумен и очень нравился женщинам, к тому же имел постоянную потребность в сексе, ведь после страшной операции по удалению матки Елена стала к постельным играм равнодушна...

Но не это было самым ужасным. Самым ужасным оказалось то, что Елена не могла иметь детей. Она-то с этим давно смирилась — но каково Алексу жить с женщиной, неспособной подарить ему наследника? Тем более что он очень любил детей, особенно маленьких девочек, как-то он ей даже признался, что всегда хотел иметь дочку, которую звали бы Ингрид. Ингрид Бергман, как его любимую актрису.

Оказалось, и это препятствие не смогло разбить их семейную лодку. Алекс быстро смирился с ее бездетностью и вместо дочки Ингрид завел собаку Дулю. Ко всему прочему в середине девяностых Елена занялась бизнесом, стала хорошо зарабатывать, и у Алекса появилась возможность ежесезонно обновлять гардероб, коллекционировать сигары, книги, запонки, играть в гольф, путешествовать, встречаться с интересными людьми. Короче говоря, он был катастрофиче-

ски занят, а при такой занятости о детях и думать некогда.

А тут еще Елена занялась политикой, и Алекс из мужа обычной богатой женщины превратился в супруга известной личности. Его фотографировали вместе с женой, брали у него интервью, приглашали на телевидение. Он стал так же популярен, как и его супруга, потому что был неотразим, а самое главное, благороден, ведь не каждый мужчина останется рядом с женщиной, неспособной иметь детей...

Пока Елена размышляла об этом, Алекс подошел к зеркалу, пригладил свои и без того безупречно причесанные волосы ладонью, одернул пиджак, поправил галстук. Он всегда тщательно следил за собой, а в последнее время стал особенно придирчив к внешнему виду: во-первых, в его возрасте нельзя позволять себе распускаться, а во-вторых, Алекса в любой момент могут сфотографировать.

— Алекс, тебе пора подкрасить волосы, — спокойно сказала Лена, подходя вплотную к мужу. — На висках видна седина.

— Да, я заметил, завтра же иду к парикмахеру, — ответил он. Алекс не считал зазорным подкрашивать волосы, делать пилинг, массаж, педикюр, он даже подумывал о вживлении в лицо золотых нитей, но об этом пока супруге не говорил. — Кстати, не желаешь, чтобы я записал к нему и тебя?

— Нет, спасибо, меня устраивает моя парикмахерша.

— Ну как знаешь, как знаешь... Только мой брадобрей Жоржик мигом бы уговорил тебя на колорирование... — Его глаза озорно сверкнули. — В экстремально красный... Стала бы клевой чувихой, за такую бы даже панки проголосовали...

— Только этого мне не хватало! — Елена шутя

подтолкнула мужа к двери. — Иди уже к своей маникюрше, мне работать надо.

— Слушаю и повинуюсь. — Алекс дурашливо поклонился и, пятясь, покинул комнату.

Когда за ним закрылась дверь, Елена, все еще улыбаясь, прошла к окну. Встала у форточки, подставила лицо колючему зимнему ветру, собрала пальцем снег с рамы и слизнула его. Дурацкая привычка есть снег осталась с детства (ох, как ругала ее за это мама), и до сих пор госпожа Бергман не могла до конца от нее избавиться. Нет-нет да пожует ледышки, и теперь ее за это ругает муж...

Лена высунула руку в форточку, подставив ладонь под медленно падающие снежинки... Вдруг в груди что-то кольнуло. Да так больно, что перехватило дыхание. Елена испуганно схватилась за сердце — неужели инфаркт? Все может быть, тем более она так много работала в последнее время... Но только она об этом подумала, как боль прошла. Бесследно. Не осталось даже покалывания, лишь легкое томление и какое-то беспокойство. Значит, не инфаркт. Тогда что?

Ответ пришел тут же. Вместе с телефонным звонком. Стоило только ее аппарату затрезвонить, как она поняла: ей необязательно брать трубку, чтобы узнать, что именно ей хотят сообщить. Она уже знала. Чувствовала. Предвидела.

Елена глянула на разрывающийся телефон и прошептала:

— Старуха умерла!

Анна

Аня сидела в маленькой кухоньке, прижавшись спиной к дребезжащему боку холодильника «Днепр», и ничего не видящим взглядом смотрела в стену. Пе-

ред ней на облезлом кухонном столике стоял стакан с водой и пузырек валерьянки. Сумка с уже ненужными продуктами (любимой бабулиной сгущенкой, колбасой, маслом, рисом) валялась поодаль. Аня понимала, что надо бы ее поднять, но ей совершенно не хотелось двигаться. На нее навалилась какая-то страшная усталость. Врач сказал, что это последствие шока и скоро пройдет, но пока что-то не проходило...

В принципе, Анну уже допросили и отпустили на все четыре стороны, чтобы не мешала работать следственной бригаде, но, вместо того чтобы унести ноги из ужасной квартиры, она потихоньку пробралась в кухню (для чего пришлось перешагнуть через ноги мертвой старушки), забилась за холодильник и замерла. Умысла в ее действиях не было никакого: она не собиралась подслушивать или подглядывать, ей просто хотелось посидеть в своем любимом закуточке, ведь именно на этом табурете, прислонившись спиной к холодильнику, она обычно сидела, когда они с бабой Линой пили чай... Или когда та читала вслух свою любимую книгу «Ярмарка тщеславия»... Или просто расспрашивала Аню о жизни — о своей она никогда не рассказывала...

Кухня была излюбленным местом их посиделок...

Анна шмыгнула носом и хотела уже разрыдаться, как на пороге показались два человека. Она узнала их, это были два милиционера, что приехали на ее вызов, одного, русоволосого здоровяка, насколько она помнила, звали Владимиром, а второго, маленького, чернявого, жутко злющего на вид, Стасом. Они были крайне увлечены разговором, поэтому Аню не заметили.

— Я тебе, Стасевич, говорил, что это не простая бытовуха, — горячился Володя. — А ты: «Подумаешь, старушку почикали»... Эх ты, Шерлок Холмс хренов!

— Я же не знал, что кинжал, которым ее почикали, антикварный, — обиженно буркнул Стас.

— Не знал ты... Да по нему сразу видно... Я, конечно, в антиквариате тоже не разбираюсь, но понял, что ножичек старинный. И явно дорогой. Отсюда можно сделать два вывода. Первый: нож был принесен убийцей с собой, так как в этой халупе нет ничего дороже вот этого холодильника, и второй: убийца человек не бедный, раз может себе позволить умертвлять старушек раритетными кинжалами...

— Не обязательно. Он мог просто не знать, какова его ценность...

— Да одного взгляда достаточно...

— Это тебе достаточно, — не желал сдаваться Стас, — а убийца, может, нашел его на помойке...

— Ты к чему клонишь, мать твою?

— К тому, что не бедному человеку просто незачем убивать эту старушенцию! — рявкнул оппонент. — Я еще поверю, что к ней пьяница какой ворвался пенсию украсть. Или бомжара, район-то неблагополучный...

— У нее четыре замка на двери. Через такой заслон ни один бомжара не прорвется...

— У старухи, скорее всего, склероз, вдруг забыла запереться?

— Ты разве не помнишь, что девчужка из собеса сказала? Она заявила, что бабулька *всегда* запиралась. — Володя ненадолго замолчал, видно, что-то обдумывал. — Странно это, а, Стасевич?

— Что именно?

— То, что бабка так баррикадировалась. Чего в этой халупе брать-то?

— Да уж, брать нечего, даже заначки никакой...

— Может, почистили уже?

— Не... В кошельке — он, кстати, лежит на видном

месте — триста рублей. Для алкашей целое состояние...

— Слушай, а эта бабка свою квартиру никакой фирме не подписала? Знаешь же, сколько сейчас их развелось...

— Проверим, конечно, но тебе не кажется, что аферисты выбрали бы более дешевое орудие убийства, например яд или газ.

— Кажется, — уныло согласился Володя. — А что говорят свидетели?

— В основном мычат, потому что дом наполовину заселен алкоголиками...

— А та любопытная старушенция с первого этажа, Богомолова, кажется? Она вроде соловьем заливалась...

— Если бы по теме заливалась, тогда бы ей цены не было! На самом деле ни черта она не видела, потому что из квартиры не выходит — простуды боится, глазка на двери не имеет, а окна у нее смотрят на так называемый задний двор. Единственное, что мы от нее узнали, так это то, что Элеонора Георгиевна въехала в эту квартиру не так давно, то ли шесть лет назад, то ли семь, но это мы еще выясним, причем въехала с одним чемоданом, то есть все барахло здесь осталось от прежних хозяев...

— Беженка, что ли?

— Нет, коренная москвичка, опять же если верить соседке.

— А паспорт посмотрели?

— Паспорта пока не нашли. Далеко, видно, запрятала.

— Зачем? Деньги-то на виду.

— Ха! У меня бабка девяностолетняя заначку в стол кладет, а паспорт чуть ли не под линолеум прячет. Потому что боится, что его выкрадут и возьмут в каком-

нибудь коммерческом банке на него огромный кредит.

— Не дают таким старым кредитов.

— А ты поди ей докажи.

— Ладно, вернемся от твоей бабки к нашей, покойной. Про родственников что-нибудь выяснили?

— Какие родственники? Тебе же девчонка из себе-са сказала, что старуха одинокая.

— Слушай, — неожиданно оживился Володя. — Тебе эта Анна Железнова не показалась чокнутой?

— Не то чтобы чокнутой, а какой-то блаженной. Не от мира сего.

— Да уж! Никто уже лет десять не носит таких пальто... Вроде молодая девка, а так себя запустила...

— А она не могла старушку замочить, как ты думаешь?

Аня закусил губу, чтобы не вскрикнуть — она никак не ожидала такого обвинения.

— Сначала я именно так и подумал, — протянул Володя. — Но у девчонки алиби, его, конечно, еще надо подтвердить...

— И какое у нее алиби?

— В момент убийства, а совершено оно, если верить нашему эксперту, между 8.30 и 9.30 утра, гражданка Железнова была на другом конце столицы — получала аванс по месту работы... Свидетелей, как понимаешь, найдется куча...

Стас двусмысленно хмыкнул, после чего достал из кармана сигареты, спички и, присев на корточки, закурил.

— Необычное это убийство, — задумчиво проговорил он, выпуская дым через нос. — Непохожее на другие...

— Я бы сказал, убийство в стиле ретро, — меланхолично заметил Володя.

— Тебе тоже пришло в голову именно такое сравнение?

— Наверное, из-за этого дурацкого кинжала, кстати, надо пробить у антикваров, какова его рыночная стоимость...

— Мне кажется, дело не только в кинжале. Просто сейчас так не убивают... — Стас нервно стряхнул пепел с сигареты. — Вспомни, сколько мы дел вели (заказухи я в расчет не беру, там другое), а все одно и то же... Грабят — убивают, насилюют — убивают, завидуют — убивают, перепьются — тоже убивают. Грязь, деньги, кровяща, похоть! Но на моей памяти нет ни одного убийства, похожего на это... Оно какое-то ненастоящее: чистенькое, прилизанное, даже эlegantное... То ли книжное, то ли киношное, то ли лубочное...

— То ли ритуальное, — неожиданно перебил товарища Володя.

— Кинжал не ритуальный, обычный боевой...

— Знаю, но он должен что-то символизировать, иначе старушку зарезали бы обычным кухонным ножом...

Володя хотел еще что-то добавить, но когда он открыл рот, из-за холодильника со страшным грохотом выпала Анна. Устав сидеть в скрюченном положении, она решила распрямиться, а так как хорошо у нее ничего в жизни не получалось, то, пытаясь сесть поудобнее, она каким-то образом умудрилась зацепиться ступней за ножку табурета, после чего полетела на пол, больно приложившись лбом о батарею.

— Здрате, — пролепетала Анна, неуклюже поднимаясь. — Я тут задремала... Извините...

— Это что еще за явление Христа народу? Тебе куда было велено идти? — накинулся на нее Стас.

— Домой, — с дрожью в голосе ответила она.

— А ты чего тут сидишь?

— Я же говорю, задремала...

— А ну топай домой по-быстрому, пока я тебя в каталажку не уpek...

Аня от страха задрожала, и, бормоча извинения, стала мелкими шажочками продвигаться к выходу.

— И сумку не забудь! — рыкнул Стас, сверкнув глазами.

Аня послушно вернулась за сумкой, вцепилась в нее, как в спасательный круг, и бочком, бочком вышла в прихожую. На счастье, труп уже убрали (на полу остался только меловой трафарет), поэтому Анна беспрепятственно преодолела расстояние до двери, быстро распахнула ее и пулей вылетела на лестничную клетку.

До первого этажа она добежала в считанные минуты, но вместо того, чтобы выйти из подъезда и, как было велено, топать домой, Аня устало опустилась на заплыванную ступеньку, уткнулась лбом в стену и пощеньячи заскулила. Вообще-то она не была плаксой, но сегодня что-то разнюнилась... Сначала от испуга рыдала, потом от растерянности, позже из-за жалости, а вот теперь от обиды... Да, ей было обидно! Но не потому, что на нее накричали и обозвали явлением Христа народу, к этому ей не привыкать, на нее кричали все, кому не лень, горько стало оттого, что ей некуда было идти. Конечно, жилплощадь у нее есть, и довольно большая (целых двенадцать метров), но комнату в коммуналке, где, к слову, она прожила всю жизнь, у нее язык не поворачивался называть *домом*. И причин этому множество.

Первая из них: комнатенка была жутко неудобной. До революции на месте Аниной обители был выход на черную лестницу, но в тридцатых годах прошлого века лестницу решили забаррикадировать, а узкий

длинный коридор с бетонным полом и подслеповатым оконцем у самого потолка сделать комнатой. Вторая причина — чтобы попасть в свои «покои», Ане приходилось пересекать не только всю квартиру, но и кухню, а это просто ужасно, потому что вместе с ней в комнату проникает и пар, и вонь, и гарь, и дым, и ругань злющих соседей. Третья, и самая весомая, — все то время, что провела в стенах этой комнатенки, Аня была несчастна. Конечно, она и в садике, и в школе, и в библиотеке, и даже в кино не ощущала себя особенно счастливой, но дома, дома она просто задышалась... Ее угнетали и вечная сырость, и непрекращающийся гам, и убогость обстановки, и отсутствие элементарного уюта, и вечные материны любовники, сменяющие один другого, и то, что, когда эти любовники появлялись, Ане приходилось ночевать в шкафу...

Последняя проблема исчезла, когда мать умерла, но легче Ане не стало, так как все осталось по-прежнему: и сырость, и убогость, и гам. Не так давно у Ани появилась была надежда: ее соседка Агриппина Тихонова привела покупателя на свою комнату, и покупатель этот, окинув взором двухсотметровые дореволюционные хоромы, возжелал купить их целиком. Взамен предложил каждой семье по квартире на выселках. Обитатели коммуналки, коих насчитывалось восемнадцать человек, на предложение «благодетеля» отреагировали по-разному — кто-то тут же согласился, кто-то решил торговаться, на выселки им, видите ли, ехать не хотелось, кто-то отказался категорически, потому что все равно обманут. В числе самых поклядистых оказалась и Аня, да ее не особенно слушали — из ее клетушки потенциальный покупатель собирался сделать кладовку.

В итоге ничего у них с продажей не вышло, устав выслушивать нелепые требования жильцов, дяденька

купил другую коммуналку, этажом ниже, сделал в ней ремонт и уже вселился вместе с женой, родителями, дочкой, ротвейлером и крысой неизвестной сиамской породы.

Больше пока желающих приобрести их запущенную коммуналку не было, а Аня так надеялась... Иногда, когда от духоты и влажности она не могла уснуть, в ее воображении возникала такая картина: отдельная квартира (пусть на выселках, пусть однокомнатная, но отдельная) со светлой кухней, на окне занавески в горошек, непременно красные, на подоконнике герань, в углу стол, на нем солоночки, салфеточки, чашечки, блюдца, рядом табуретка, на табуретке она, Анна, на ее коленях кот... Все! Больше ничего ей для счастья не надо... Даже сотового телефона!

— Ты еще тут? — раздался над ее ухом грозный мужской голос.

Она вздрогнула и, замирая от ужаса, подняла глаза. Как она и ожидала, над ней нависал грозный милиционер Стас, тихонько спустившийся с четвертого этажа и вставший за ее спиной.

— Опять, скажешь, задремала?

— Ага, — глуповато улыбнулась она.

Он сокрушенно покачал головой и вполне миролюбиво спросил:

— Откуда ж ты такая взялась?

— Из собеса, — как всегда, невпопад ответила Аня, но, поняв свою оплошность, поправилась: — Вернее, из коммуналки.

— В коммуналке живешь?

— Ага.

— С мамкой, что ли?

— Нет, мама умерла год назад.

— Извини.

— Да ладно, чего уж... — пробормотала она сму-

щенно, потому что никакой тоски по покойной родительнице она не испытывала, одно облегчение. — Не любила меня мамка, да и я ее не особо...

— А эту бабуку любила?

— Очень, — с энтузиазмом воскликнула Аня. — Она была очень добрым, отзывчивым человеком... Чистым ангелом... — Видя недоверие на лице следователя, пояснила: — Ведь именно она меня на работу устроила.

— Как это?

— Просто. Я, как школу закончила, в техникум пошла, но бросила его — мать мне велела на работу устраиваться, а я хорошо училась, без троек... — Говорила Аня сбивчиво, коряво, она не могла складно выражать свои мысли, но не из-за скудного словарного запаса (с самой собой она общалась прекрасно), а из робости. — Мать меня на винзавод устроила, чтобы я там водку воровала...

— Пила?

— Она нет, хахаль ее пил... — Аня поморщилась, вспомнив сизую рожу материного сожителя. — Но я воровать не умею... И от запаха спирта у меня постоянно были головные боли, так что пришлось уволиться... Потом я много работ сменила, но нигде долго не задерживалась, кому я такая нужна... Ни образования, ни внешности... Только на овощебазу или уборщицей, а там в основном пьянь, да и неинтересно мне...

— А где тебе интересно? — с улыбкой спросил Стас.

— Я учиться хочу, — выпалила Аня. — На дизайнера ландшафтов. Я природу люблю: деревья, травы, цветы, особенно цветы, но в моей комнате они не растут. Им свет нужен, а я даже днем с лампочкой сижу... — Она погрустнела, думы о несбыточной мечте всегда навевали тоску. — Короче, оказалась я безра-

ботной. Стояла на бирже. Вот пришла я как-то отмечаться, смотрю, у крыльца бабулька стоит, миленькая такая, чистенькая, в соломенной шляпке, и улыбка добрая... Подошла она ко мне и говорит: «Что же ты, дочка, такая молодая, а работу найти не можешь?» А я ей в ответ: «Образования нет, блага нет, воровать не могу», короче, все, что вам сейчас, ей рассказала. Вот она мне и предложила: давай, говорит, ты будешь за мной ухаживать. Хорошо платить не могу, но и работы, как таковой, немного. Продукты покупать, газеты, лекарства, белье в прачку отнести, даже убирать — не надо, я, говорит, сама могу... Я согласилась...

— Значит, ты не от собеса за ней ухаживала?

— Это сначала, но потом бабуля мне говорит: «Тебе надо официально оформиться, про пенсию подумать и все такое»... Отвела меня в собес, оказывается, социальных работников не хватает (зарплата, сами понимаете, копеечная), меня сразу и взяли...

— Давно ты ее знаешь?

— Почти год... Мы с ней очень подружились за это время...

— Ты говорила на допросе, что она была очень одинока, значит, ее никто не навещал?

— Почти никто. Разве что соседка, — Аня кивнула на дверь шестьдесят второй квартиры, — навещает... Или старая подруга раз в квартал забредет...

— Что за подруга? — напрягся Стас. — Как зовут?

— Как же ее зовут... — Аня свела брови, вспоминая. — Фамилия у нее еще такая благородная... А! Голицына! Она постоянно хвалилась своим аристократизмом... Она вообще была такая... ну... — Девушка пощелкала пальцами, подбирая достойное сравнение. — Нафталиновая, что ли...

— Как это?

— Таких сейчас мало осталось, вымерли, наверное,

но раньше я частенько встречала в наших старомосковских дворах подобных старух... Худые, прямые, надменные, на голове шляпка с истлевшей вуалеткой, на руках перчатки, на шее побитый молью песец... Над ними всегда дети смеялись, а мне их было жалко... — Анины глаза увлажнились, не иначе решили за сегодня выплакать годовой запас слез. — Вот старуха Голицына из их числа.

— Имя не помнишь?

— Ее бабуля Ветой звала...

— Значит, или Лизавета, или Виолетта, — резюмировал Стас. — Сколько раз ты видела старуху Голицыну в квартире покойной?

— Всего раза три. Тяжело ей, наверное, через всю Москву в гости кататься, старая она, как и Элеонора Георгиевна... — Аня в задумчивости поскребла коленку. — Только не очень бабуля любила, когда Вета к ней приезжала... Как-то прихожу к ней, а Голицына только ушла, я по запаху поняла, у нее жуткие духи, протухшие лет двадцать назад, и этот запах потом долго не выветривается... Так вот, пришла я, а Элеонора Георгиевна грустная, спрашиваю: «Чем вас так Вета расстроила?» — а она мне отвечает: «Любит Ветка старое вспоминать, а это ни к чему!» Вот и все, больше ничего не добавила, но целый день хмурная ходила...

— При тебе они не ругались?

— Нет, были очень друг с другом милыми, но особой теплоты я в их отношениях не заметила... Уж очень они разные... Вета вся из себя аристократка: спесивая, надменная, а баба Лина простая была женщина, душевная...

— Ты говоришь, теплоты не было... Тогда зачем больной старухе тащиться через всю Москву, чтобы повидать не очень приятного человека?

— Знаете, что я думаю? — взволнованно сказала

Аня и от волнения покрылась потом. — Мне кажется, Голицына ездила к ней, чтобы продемонстрировать, что еще жива... Или проверить, не умерла ли Элеонора Георгиевна... Будто между ними соперничество какое было... По жизни... Вот и в смерти решили поспорить.

— Антикварные вещи у Голицыной имелись, не знаешь? Может, она говорила что-то...

— Когда-то была целая коллекция фарфоровых ваз и картин, это мне баба Лина рассказывала, а еще она говорила, что Вета в картишки поиграть любила, причем по-крупному, вот весь антиквариат и просадила... — Тут Аня резко обернулась и пристально глянула на следователя. — Только если вы думаете, что это она ее убила, то зря... Старуха Голицына страдает артритом, у нее все пальцы скрючены, она не то что нож сжать, даже застегнуться не может...

Аня ждала очередного вопроса, но Стас больше ни о чем не спрашивал, он погрузился в глубокие раздумья и будто бы забыл про свою собеседницу.

— Мне можно идти? — робко спросила Аня, когда пауза затянулась до неприличия.

— А? — очнулся он. — Что?

— Идти, говорю, можно?

— Да, да, иди, — рассеянно кивнул Стас, после чего развернулся и медленно пошел по лестнице вверх.

Аня проводила взглядом его худую спину, поправила шапку, вытерла нос варежкой, после чего вышла из подъезда и быстро, насколько позволяла скользкая подошва стоптанных сапог, потрусила к автобусной остановке. Анюту ждала ее сырая темная комната, чахлые цветы, раздрызганный многочисленными мамиными любовниками диван, домашние шлепанцы, измусоленные соседским котом Тихоном, и несбыточные, рожденные бессонницей мечты.

День второй

Ева

Огромный черный джип затормозил у крыльца старинного здания, на фасаде которого красовалась золоченая вывеска «Арт-джи», и из недр его показалась роскошная блондинистая сука. Сука (только у них бывают такие хищно-прекрасные лица) плевать хотела на знак «Стоянка запрещена» и на возмущенно сопящего охранника рядом с ним, поэтому не стала отгонять машину на стоянку, а бесстрастно щелкнула брелоком сигнализации и стремительно проследовала к зеркальным дверям особняка.

Нужное ей помещение находилось в конце коридора и пряталось за мощной железной дверью с табличкой «Студия звукозаписи». В данный момент она была не заперта, поэтому Ева вошла в студию беспрепятственно. Как она и ожидала, в помещении никого не было, кроме сидящего за огромным пультом парня. Парень с умным видом передвигал рычажки, тыкал в кнопки, щелкал тумблерами, короче говоря, игрался, так как в технике он не разбирался совершенно.

Она постояла немного, разглядывая его трогательно-беззащитный затылок, хрупкие плечи, нежные руки, и не верила своим глазам: Денису никак нельзя было дать его полные тридцать два года, скорее двадцать три, а то и девятнадцать.

«Хорошо сохранился, чертяка, мне бы так», — с завистью подумала Ева, а вслух произнесла:

— Дусик, ты играешь в космический корабль? Или в капитана Немо, как в детстве?

Денис вздрогнул и резко обернулся. Вот тут сразу стало ясно, что Ева с завистью поторопилась, потому что лицо его, в отличие от фигуры, не походило на

мальчишечье: оно было по-взрослому порочным, испитым, помятым, а от уголков глаз в разные стороны бежали лучики морщинок.

Ева подошла к парню и коснулась губами его лба.

— Здравствуй, братик.

— Привет, сестричка, — проворковал Денис, одарив Еву своей фирменной улыбкой (именно она, по мнению газетчиков, делала его лицо юным и прекрасным). — Давно тебя не видел...

Ева кивнула — они действительно давно не виделись. Обычно брат с сестрой общались посредством телефона или Интернета, а в последнее время, когда Денис подался в звезды эстрады, даже такое общение стало для них роскошью.

— Как идет запись второго альбома? — поинтересовалась Ева, садясь в кресло. — Путем?

— Путем, — бодро ответил Денис, пряча глаза.

На самом деле ничего путного из второго альбома не выходило. А все потому, что продюсер решил экономить на всем: на композиторе, на аранжировщике, на звукорежиссере, даже на бэк-вокале, а без хорошего бэк-вокала Денис не мог вытянуть даже простейший мотивчик...

— Ты чего один сидишь? Где все? — спросила Ева, оглядываясь на дверь.

— Пошли обедать. А я на диете...

— На кокаиновой?

— С ума сошла! — возмутился Денис. — Я наркотики не употребляю!

— Тогда почему так хреново выглядишь?

— Сплю плохо... И вообще... — Он нервно дернул ртом. — Жизнь поп-идола не сахар...

— Не рановато ты себя в идола записал? — насмешливо спросила Ева.

— В самый раз, — оскалился Денис.

— Смотри, прокатит тебя твой продюсер с бабка-ми, мигом с пьедестала свалишься...

— С чего бы ему меня прокатывать? — насторожился он.

— Слышала, новый фаворит у него появился, не то казах, не то бурят, говорят, жутко красивый... Так что будь начеку, в большие долги не влезай, а то опять по гей-кабакам придется задом крутить, а зад у тебя уже не первой свежести, так что...

— Ты приехала только за тем, чтобы облажать мой зад? — зло воскликнул Денис.

— Нет, Дусик, я здесь, чтобы сообщить тебе одну новость... — Ева выдержала театральную паузу и прошептала: — Старуха умерла!

Дусик ошарашенно уставился на сестру, потом всплеснул руками (Ева терпеть не могла его пидорестичные жесты) и выдохнул:

— Не может быть!

— А ты решил, что она, как Дункан Маклауд, бессмертна?

— Честно говоря, да... — Он нервно заправил непокорную русую прядь за ухо. — Вернее, я всегда был уверен, что она всех нас переживет...

— Радуйся, твои мрачные пророчества не сбылись!

— От чего она умерла? Сердце или что?

— А тебе не по фигу? — зло прищурилась Ева, став сразу жутко некрасивой, даже отталкивающей.

— По фигу, конечно, просто... — Он потерянно посмотрел на сестру. — Бабушка ведь... А мы не знаем...

— Бабушка! — передразнила его Ева. — Забыл, как тебя эта бабушка из дома вышвырнула...

— Так за дело же...

— Подумаешь, с парнем в подъезде целовался...

— Это сейчас «подумаешь», а десять лет назад...

— Даже десять лет назад этим уже никого нельзя было удивить... А тем более оскорбить!

— Все равно, — упрямо возразил он, — все равно...

— Еще скажи, что тебе ее жалко!

Дусик ничего не сказал, он лишь шмыгнул носом.

— И не вздумай реветь! — разозлилась Ева.

— Не буду, — прошептал он, незаметно вытирая пальцем выступившие слезы.

Ева страдальчески закатила глаза — она не могла видеть, как брат плачет: сразу вспоминала, как рыдал он десять лет назад, стоя перед бабкой на коленях и умоляя простить его. Но старуха прощать не умела, поэтому Дусику пришлось уйти...

Только спустя год брат объявился. Худой, больной, жалкий. Он бродяжничал, занимался проституцией, по случаю подворовывал. Ева сняла ему квартиру, отмыла его, откормила, подлечила, дала денег. Для этого пришлось втихаря продать одно из своих колечек. Ведь Дусика нужно было где-то поселить, а то мыкался по каким-то углам, ночевал у таких же беспутных дружков. Ева попыталась уговорить бабку позволить Денису вернуться в дом, но все ее старания были напрасны: переступить порог квартиры ему так и не позволили, а деньги, полученные от сестры, парень быстро пропил — за год совсем непьющий Дениска стал заправским алкоголиком, спасибо, хоть на наркоте не подсел.

Потом он опять пропал и вновь объявился. Только на этот раз в менее потрепанном виде, оказалось, пристроился в какой-то заштатный гей-клубешник стриптизером. К счастью, там он недолго ошивался, через полтора года его заметил некий продюсер, известный в тусовке своим пристрастием к хрупким голубоглазым юношам, и ввел в мир шоу-бизнеса. Три года Дусик был на подтанцовке у одного поющего гея, искус-

но выдающего себя за гетеросексуала (чему немало способствовало его семейное положение и наличие двоих детей), а недавно запел сам. И несмотря на то, что пел Дусик (ныне Дэнис) слабенько, его дебютный сингл стал хитом, а альбом вошел в двадцатку самых продаваемых.

Можно сказать, что Дусик хорошо устроился, и, скорее всего, он не добился бы такого успеха, не выгони его бабка из дома, ведь на тот момент он учился на экономиста и, хотя имел отвращение к экономике и слабые к ней способности, собирался им стать... Но разве мимолетный успех (Ева не сомневалась в его скоротечности) компенсирует многолетние страдания?! Разве он помогает забыть ту боль, которую испытал Дусик, когда любимая бабушка вышвырнула его из дома, будто лишайного котенка, только за то, что он, по ее мнению, поступил непотребно? Нет, нет и нет! И пусть с того ужасного дня прошло уже десять лет, Ева до сих пор не может простить Элеоноре ее непримиримость, жестокость, ханжество... Даже теперь, когда старуха умерла, она не смогла отпустить ей грехи — Ева была истинной внучкой своей непримиримой бабки.

— Когда похороны? — подавив всхлип, спросил Дусик.

— Мне по хрену, я на них не пойду!

— Зря ты так... Бабка была неплохим человеком... Просто она никогда не меняла своих решений...

— Я тоже их не меняю! — огрызнулась сестра. — Десять лет назад я решила, что поквитаюсь с ней за тебя...

— И ты поквиталась, — устало проговорил Дусик. — Выжила ее из собственной квартиры...

— ...и даже не приду к ней на похороны! — закончи-

ла свою мысль Ева. — Если хочешь узнать, когда старую мымру закопают, спроси у кого-нибудь другого!

После этих слов Ева резко поднялась с кресла, схватила сумку и, не попрощавшись, выскочила из студии. А Дусик, проводив сестру взглядом, вернулся к своим тумблерам, но, перед тем как погрузиться в игру целиком, подумал: «До чего она похожа на бабушку!»

Аня

Аня стояла на площадке первого этажа напротив квартиры шестьдесят два и все никак не решалась позвонить. Во-первых, старуха, проживающая в ней, была сущая ведьма, и лишний раз на нее нарываться не хотелось, а во-вторых, не было никакой уверенности в том, что ведьма знает ответ на интересующий Анюту вопрос. Но больше спросить было не у кого, и Аня собрала в кулак все свое мужество и надавила на звонок. Сначала за дверью не было слышно ни звука, но спустя минуту раздался старческий голос:

— Кто там?

— Извините, пожалуйста, за беспокойство...

— Сейчас милицию вызову! — предупредительно прокаркала бабка.

— Не надо... Я просто хотела узнать... Кто будет Элеонору Георгиевну хоронить? Вы не в курсе?

— Ты кто?

— Это Анна, я к ней ходила, из собеса...

Договорить Аня не успела, дверь резко распахнулась, и на пороге показалась костлявая старуха в двух очках, надетых одни на другие.

— Помню тебя, — сказала она, снимая одни очки и

пристально вглядываясь в Анино лицо. — Нюркой тебя звать... помню... Так чего тебе?

— Я хотела спросить...

— Громче говори, я плохо слышу.

— Хотела спросить, — закричала Аня во все горло, — кто будет хоронить бабу Лину...

— Вот орать тоже не обязательно, — проворчала старуха. — Я не глухая, просто недослышиваю... Доживешь до моих лет, узнаешь, что это такое...

— Так что там с похоронами? — не очень вежливо перебила ее Аня.

— Это у тебя надо спросить, ты в собесе работаешь, — окрысилась бабка, после чего захлопнула перед ней дверь.

Аня отошла на безопасное расстояние от старухиной квартиры и, прислонившись спиной к перилам, задумалась. Где же узнать? У кого? Наверное, надо было действительно в собесе поспрашивать — раз бабуля была одинокой, то ее похоронами займется государственная организация, но коль бабу Лину убили, то, наверное, труп еще в морге, и тогда он может там пролежать гораздо дольше положенных христианским обычаем трех дней...

Так и не решив, что делать: то ли в собес идти, то ли в милицию, то ли напрямик в морг, Аня зашагала по лестнице вверх. Ей хотелось в последний раз постоять у дверей любимой квартирки, где, несмотря на убогость, пахло дворцом и где она бывала по-настоящему счастлива.

Когда она поднялась на четвертый этаж, первое, что бросилось в глаза, — это яркая бумажная лента, наклеенная на замок квартиры (опечатана, значит), а второе — лента-то надорвана... А это значит, что в квартиру кто-то проник!

Ане стало жутко. Но вместо того чтобы в панике

бежать вон из подъезда, она сделала шаг к двери. Была не была! Если убьют, значит, такова судьба, тем более цепляться за жизнь в ее положении просто глупо — умрет, никто и не заплачет...

Стоило ей прикоснуться пальцами к ручке, как дверь распахнулась — скорее всего, в квартире было открыто окно.

Аня вошла, настороженно оглядываясь по сторонам. В прихожей она никого не обнаружила, как и в кухне, которая просматривалась даже с порога... Но Аня сразу поняла, что в квартире кто-то есть, так как в ней появился запах, но не тот, что был при бабуле (он испарился сразу, как хозяйки не стало), другой... Анюта нервно поводила ноздрями, принюхиваясь. Хм... Пахло мужчиной, причем не абы каким — а богатым, мужественным и... полным: к аромату изысканного парфюма и дорогого табака примешивался легкий запах пота...

От этого ей почему-то стало спокойнее, и Аня смело вошла в комнату.

Бабулина спальня была именно такой, какой она привыкла ее видеть. Выгоревшие обои, пожелтевший потолок, с которого свисала пластмассовая люстра, шкаф, тумбочка, кровать, застеленная пледом, в углу круглый стол с белыми разводами от горячего, на нем книжка, любимый бабулин роман «Ярмарка тщеславия», который она настоятельно рекомендовала Ане почитать... Аня так засмотрелась на этот истрепанный том, что не сразу заметила мужчину, который застыл в напряженной позе у окна. Был он отлично одет, сед, высок и, как она ранее предположила, очень тучен. На вид мужчине было лет шестьдесят, но стариком Аня назвать бы его не посмела...

Когда незнакомец услышал шаги, он резко обер-

нулся, обратив к Ане породистое лицо с пронзительными карими глазами, и неприветливо спросил:

— Чего надо?

— Простите, ради бога... — залепетала Аня, мигом растеряв всю смелость. — Я хотела узнать...

— Ты кто такая? — грозно рыкнул мужчина, делая шаг в ее сторону.

«Сейчас прибьет, — обреченно подумала Аня. — Стукнет кулачищем по лбу, и нет меня».

И, чтобы не видеть, как он будет замахиваться, она закрыла глаза. Но вместо ожидаемого удара на нее обрушился грубый окрик:

— Я тебя спрашиваю или нет?! А ну отвечай!

Аня приоткрыла один глаз и увидела, что полный господин убивать ее не собирается, он даже рук из карманов не вынул. Это ее успокоило, но не сильно, потому что глаза дяденьки, как два пистолетных дула, были нацелены на ее лицо, и от его взгляда у Ани по телу побежали мурашки.

— Я из собеса... — чуть слышно произнесла она, вытирая вспотевшие ладони. — Меня зовут Анна...

— И что дальше?

— Я хотела узнать, кто будет Элеонору Георгиевну хоронить...

— Ну я.

— А вы кто? — удивленно заморгала Аня.

— Сын. Кто же еще?

Аня ойкнула и уставилась на бабы-Лининового сына с таким ужасом, будто он был привидением.

Эдуард

Эдик хмуро смотрел на перепуганную девушку в задрипанном пальто и не мог понять, что ей нужно. Сначала он решил, что она пришла просить подаяния

(уж слишком бедно была одета) или попробовать что-нибудь украсть, а теперь и не знал, что думать. Девушка, несмотря на затрапезный гардероб, произвела впечатление честного человека.

— Сын? — переспросила она, растерянно приоткрыв красивые пухлые губы.

— И чего тут странного? — привычно рявкнул он, но, увидев, как вздрогнула девушка, постарался говорить мягче. — У вас в беседе разве не знают, что у нее есть сын?

— Нет. Она одинокая...

Эдик раскатисто рассмеялся, чем привел Аню в неопишуемое волнение — не девка, а трусливый заяц какой-то.

— Ну старуха, ну дает! Даже государство умудрилась обдурить!

— Вы правда ее сын? — все еще не верила Аня.

— Сын, сын, — закивал он, по-прежнему улыбаясь. — Эдуард Петрович Новицкий, к вашим услугам.

— А я Аня, Аня Железнова, — немного осмелела девушка. — Я за вашей мамой ухаживала... Я очень ее полюбила, она была такая... такая... добрая...

Эдик еще внимательнее посмотрел на девчонку — на самом деле наивная или притворяется? Девчонка от его пристального взгляда стушевалась: покраснела, опустила очи долу и тут же замолчала. Нет, эта не притворяется, эта от природы такая, решил Эдуард (он хорошо читал по лицам — тюрьма научила), одно непонятно, как она умудрилась эту наивность сохранить, тем более живя в Москве — столица и не таких развращала...

Угроздило же бедняжку родиться в конце XX века. Подобным тут не место, им бы в век XVII, а то и к рыцарям! Сразу видно, к современной жизни не при-

способлена и от того несчастна и одинока, у таких девчушек даже подруг нет, не говоря уж о друзьях...

— С кем живешь-то, Анна Железнова? — спросил Эдик приветливо, ему больше не хотелось нагонять на девчушку страху.

— Одна, вернее, с соседями... У меня комната в коммуналке...

— Родители где?

— Мать умерла, а отца у меня никогда не было... — Аня запнулась, — нагуляли меня...

Эдуард Петрович удивленно приподнял брови — у гулящей матери выросла эдакая незабудка. Надо же!

— А жених у тебя, Аня, есть? — решил уточнить он.

— Смеетесь? — смутилась она. — Кто на меня позарится?

Вот тут Эдуард был с девушкой не согласен. Позариться на нее мог кто угодно, поскольку внешность у нее была очень приятная, единственное — эту приятность под лохмотьями очень трудно разглядеть. Сам он, например, сначала посчитал Аню дурнушкой — уж очень уродовала ее дурацкая мохеровая шапка, старил темный, намотанный на шею шарф, а мешковатое пальто делало фигуру бесформенной, но теперь, когда девушка стянула с головы безобразный головной убор и расслабила удавку, оказалось, что у нее густые волнистые волосы, нежное овальное личико, большие серые глаза и тонкий, с небольшой горбинкой, нос. Хламиду свою она еще не сняла, но Эдик мог поклясться, что Анютка еще и стройненькая.

— А ты по-другому одеваться не пробовала? — задумчиво спросил Эдуард, закончив осмотр Аниной внешности.

— Нет, — честно призналась она.

— Почему?

— Не пробовала, и все.

Маленькая гордячка, с симпатией подумал Эдуард, не хочет признаваться, что денег ей хватает только на еду и это тряпье.

— Хочешь, бабок дам, — неожиданно предложил он. — Пальто себе купишь...

Аня вспыхнула и резко ответила:

— Не надо!

— Просто так, а не за то, о чем ты подумала, — с досадой протянул он. — В благодарность за заботу о матери...

— Все равно не надо. Пальто я себе на следующий год куплю сама.

— Как знаешь, — хмуро проговорил Эдик. — Только мой тебе совет, не отказывайся от помощи, когда ее предлагают искренне... — Он остро глянул на нее, потом опустил глаза и привычно грубо бросил: — Приходи завтра к двенадцати на похороны. С ментами я договорился, тело сегодня отдадут...

— Я обязательно приду... Но, может, чем помочь?

— До завтра, — отрезал Эдуард, отворачиваясь к окну.

— До свидания, — прошептала Аня в ответ, но не ушла, а помявшись в нерешительности, привычно робко попросила: — А можно мне взять что-нибудь на память?

Эдуард Петрович резко обернулся, его глаза горели, рот кривился. В этот миг он был страшен, он всегда становился отталкивающе злобным в минуты разочарования. А в данный момент он был жутко разочарован! Как же! Принял обычную попрошайку, аферистку, мародерку за честную девушку. Посчитал ее невинной, искренней, даже пальто ей хотел купить, старый дурень, а девка просто-напросто хотела пожить: заграбастать пару антикварных штучек (Эдик, правда, ни одной пока не видел, но не сомневался, что

они есть — мать всю жизнь собирала старинные вещи и не могла без них жить).

— Ну бери! — процедил он сквозь зубы, стараясь до поры сдерживать свой гнев: ему было интересно узнать, где его мамаша устроила тайник.

Аня благодарно улыбнулась, быстро подошла к столу, бережно взяла с него толстую книгу в потрепанном перелете и, прижав ее к груди, вышла из квартиры.

День третий

Елена

Кладбищенские ворота были распахнуты, около них толпилась кучка неопрятных нищих, выклянчивающих подавание у одиноких посетителей погоста. Это были жуткие люди: грязные, беззубые, пьяные, покалеченные, но не в чеченской войне, в чем они пытались уверить прохожих, а в пьяных драках. Завидев хорошо одетую женщину, они кинулись к ней, протягивая свои черные, в волдырях руки, и заныли на разные голоса. Лена попыталась обойти их, но не тут-то было, попрошайки встали стеной, преграждая дорогу. Мысленно выругавшись, она швырнула в самый центр кучи зловонных тел пачку десяток, после чего беспрепятственно прошла на кладбище.

«Надеюсь, бомжи не смотрят телевизор», — подумала она, торопливо вывернув на одну из основных дорожек. Ей не хотелось, чтобы ее здесь видели, и не только бродяги, но и никто другой, потому что приходить на кладбище ей было ни к чему. Ей и Алекс об этом сказал. Да и она это понимала, но ноги сами принесли ее сюда, так что ничего теперь не поделаешь...

Дорожка тем временем сделала плавный изгиб, и

перед Лениным взором предстал ряд свежих могил, значит, ей сюда. Лена надвинула шляпу на глаза, погрузила лицо до самого носа в кольцо кашемирового шарфа, приподняла воротник (ей нужна стопроцентная уверенность в том, что ее не узнает ни одна живая душа) и только потом вышла на открытое пространство.

В нескольких метрах от нее у разрытой могилы стоял гроб. Судя по всему, панихида уже закончилась, и с минуты на минуту должно было состояться погребение — Лена поняла это, увидев, с каким нетерпением могильщики постукивают лопатами по мерзлой земле. Рядом с гробом стояли всего четыре человека, и двоих из них она узнала: старуху Голицыну и Эдика, двое других: молодая бедно одетая женщина и элегантный мужчина были ей не знакомы...

Но того, кого она мечтала увидеть, среди них не оказалось...

Господи, какая она дура! Почему ей пришло в голову, что именно сегодня она его встретит! Почему дала глупым мечтам заманить себя сюда... Почему позволила себе такую роскошь, как надежда... Дура, набитая дура, даром что депутат!

Лена устало опустила на заснеженную лавочку. Волнение, охватившее ее, мешало немедленно уйти.

Сережа! Именно так звали того, ради кого она рискнула здесь появиться. Сергей Отрадов — любовь всей ее жизни. Боже, как она его обожала! Как мучилась, когда он ее бросил. Так мучилась, что выскочила замуж за первого встречного, и еще хорошо, что этот встречный оказался прекрасным человеком, а будь на месте Алекса кто-то другой, тогда бы ей не осталось ничего иного, как наложить на себя руки...

Познакомилась она с Сергеем в доме покойницы Элеоноры Новицкой много лет назад. Елене тогда бы-

ло тридцать, ему сорок девять. Он только что ушел в отставку, вернулся с Дальнего Востока в Москву и пришел в гости к своей сестре Линочке. Елена очень хорошо запомнила тот момент, когда Серж вошел в комнату, где, кроме хозяйки и самой Лены, была еще куча народу, запомнила, так как она чуть не лишилась чувств, увидев этого мужчину, — от внезапно вспыхнувшей любви у нее перехватило дыхание. Высокий статный военный в морской форме, с кортиком на поясе, с фуражкой в руке, он свел с ума не только ее — все женщины, присутствующие в комнате, в едином порыве возжелали этого красавца. Хотя, по большому счету, Сергея никто бы не назвал классическим красавцем, у него было обычное лицо: немного тяжеловатое, с крупным носом, чуть прищуренными глазами. Единственное, что красило его, так это рот, будто созданный для поцелуев, и густые волосы, уже тогда абсолютно седые... Но что-то в Сергее было такое, что волновало женщин, кружило им головы, заставляло трепетать. Сейчас бы сказали, что он был чертовски сексуален, но тогда целомудренно отмечали, что в нем есть изюминка...

Впрочем, до общего мнения Лене не было никакого дела. Даже если бы другие находили его уродливым, она все равно пошла бы за ним на край света. Оказалось, что она способна на всепоглощающую любовь... И для нее это стало полной неожиданностью! Ведь она считала себя абсолютным сухарем, синим чулком, занималась исключительно самообразованием: писала диссертацию, посещала всевозможные курсы, читала. За тридцать лет у нее не было ни одного серьезного романа. Да что там, у нее и несерьезного не было — мужчины боялись подойти к ней с непристойным предложением, а пристойного делать не хотели — кому нужна жена, которая умнее мужа. Еще она

была девственницей. И если раньше это ее совсем не смущало, то теперь показалось постыдным... А самым постыдным было то, что она умирала от желания. День и ночь она мечтала о том, как он возьмет ее, причем обязательно на полу (из-за этих фантазий с ее лица не сходил стыдливый румянец — многие даже решили, что она заболела, простыла), хотя до этой встречи считала себя фригидной. Да, раньше ее секс совсем не волновал, она предполагала: из-за гинекологических проблем, а оказывается, ей просто не попадался достойный объект желания.

Мучилась она целый месяц, причем регулярно встречалась с Сергеем в доме Лины, распаяя себя этими встречами до неприличия. В итоге не выдержала, затащила его в ванную и... Нет, не отдалась — призналась в любви. Он назвал ее милой девчушкой, погладил по головке, чмокнул в нос и преспокойно ушел. Но история на этом не закончилась.

Спустя три недели он сам затащил ее в ванную, где под аккомпанемент льющейся из крана воды лишил девственности. Когда дефлорация была успешно завершена, Сергей признался в том, что Лена ему тоже очень нравилась, но он боялся отдаться чувству — считал себя слишком для нее старым («...мне ведь уже сорок девять, девочка!»).

Так начался их роман.

Встречались они отрывками: он был постоянно занят, а она боялась ему навязываться. Ленина любовь расцвела пышным цветом, Сергей к ней тоже прекрасно относился, конечно, не так страстно, как ей бы хотелось, но пожаловаться на его невнимание она не могла.

Когда с начала их романа прошло четыре месяца, Лена, естественно, тайно стала мечтать о свадьбе. А почему нет? Он не женат, бездетен, к ней привязан,

им есть о чем поговорить, и в сексе у них полная гармония. Самое же главное, она любит его так, как не полюбит ни одна другая, а какому мужчине это не понравится?

Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает! В случае Лены и Сергея в роли Бога выступила Элеонора Новицкая, милая сестренка, любящая мать... Да, Лина была Леночкиной матерью, правда, не родной, но так как воспитывала она девочку с пеленок, никто об этом не вспоминал.

Сколько же Элеоноре было лет, когда все это произошло? Никак не меньше шестидесяти, точно, тогда ей только-только исполнилось шестьдесят три, ведь она была старше брата на тринадцать лет. И она была еще очень хороша! Стройная, золотоволосая, гладкокожая, с хорошим цветом лица и голубыми, как у молодой, глазами. В нее по-прежнему влюблялись мужчины, а она все так же обожала ими вертеть. Всеми без исключения: и поклонниками, и мужем, и сыном, и братом. Она привыкла считать всех мужиков без исключения своими рабами. В этом было что-то противоестественное, потому что Элеонора ревновала их, даже сына и брата, к другим женщинам. Лина хотела властвовать над их сердцами безраздельно.

Наверное, поэтому любовь дочери и брата она расценила как предательство. Она запретила им встречаться. Заявила, что проклянет дочь, если та ее слушается...

И тут впервые за всю жизнь Лена взбунтовалась, ответила матери, что та может проклинать ее сколько хочет, но от Сергея она не отступится. Что тут началось...

— Дура! — орала Лина, тряся дочь за плечи. — Идиотка! Он тебе в отцы годится! К тому же он бабник, циник, сволочь! Думаешь, если он тебя отымел,